

Архитектурные потери последних десятилетий и их уроки

Решение о создании музея под открытым небом под Архангельском было неоднозначно встречено научной общественностью и деятелями искусства. Многие архитекторы, искусствоведы, историки выступали против этого решения. Выдвигались следующие основные доводы. Большинство архитекторов и мастеров-плотников, сооружая то или иное здание, учитывали его место и окружение, многие древние сооружения, особенно храмы, настолько хорошо сочетаются с окружающей их природой и деревенскими строениями, что кажутся неотделимы от них. Перенос зданий нарушает эту связь и полностью восстановить её невозможно.

Следующим доводом было утверждение, что при любой разборке и новой сборке с заменой повреждённой древесины здания теряют свою подлинность, неизбежно появляются неточности, полностью избежать которых невозможно. Высказывались сомнения в том, что собранные воедино из разных мест постройки дадут верное впечатление о настоящей северной деревне.

Следует согласиться, что почти все эти утверждения верны. Многие из нас прошли через эти раздумья и сомнения. Не избежал их и автор этих строк.

Однако есть контрдоводы, которые заставляют думать иначе, убеждают в необходимости, в данный исторический период, создавать музеи под открытым небом, как одну из наиболее надёжных форм сохранения памятников деревянной архитектуры.

Деревянные сооружения не долговечны, их главные враги огонь и гниение были всегда. Они унесли бесконечное количество древних сооружений. Постоянной опасностью, особенно для высоких храмов, были молнии, уничтожившие многие неповторимые сооружения.

Кроме этих постоянных опасностей, в XX веке у деревянных храмов, часовен, колоколен русского Севера появились новые враги. В послереволюционное время вместе с новой властью в деревни и города входит «воинствующий атеизм». Закрываются храмы, многие из них разбираются для новыхстроек или просто на дрова.

После коллективизации начинается упадок сельского хозяйства и запустение деревень. В школах воспитывается отрицательное отношение к прошлому России, и как результат начинаются разорения храмов, монастырей, их поджоги.

Пагубный процесс раскрестьянивания деревни продолжается и в послевоенное время. Некоторые деревни полностью пустеют, обширные и красивые избы остаются беспризорными.

Всё это невольно привело к потере многих замечательных деревянных построек.

Вот некоторые печальные примеры гибели памятников только в послевоенные десятилетия. Была подожжена и полностью сгорела двадцатичетырёхглавая Покровская церковь под Вытегором. Сгорел один из старейших шатровых храмов — Владимирская церковь в Белой Слуде на юге Архангельской области, высота которого достигала 45 метров. Этот храм предполагалось перевезти под Архангельск и с него начать создавать музей под открытым небом. Рухнула, не дождавшись ремонта и реставрации, Никольская шатровая церковь в Рато-Наволоке под Емецком. Такая же участь постигла и стройный шатровый храм в Вазенцах на Онеге. Сгорели от молнии прекрасные храмы в Моржегорах и в Сельце, украшавшие берега Северной Двины.

---

*Пуришев, И. Б. Архитектурные потери последних десятилетий и их уроки (Тезисы к докладу) / И. Б. Пуришев // Музей под открытым небом в современных условиях: сборник материалов международной научно-практической конференции (Архангельск, 14—20 июня 1993 года) / Под редакцией Л. А. Бострем, И. Б. Пуришева, А. Б. Пермиловской; перевод Т. П. Баландина; Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства, Комитет по культуре и искусству Архангельской области, Европейская ассоциация музеев под открытым небом. — Архангельск: Правда Севера, 1995. — С. 45—47.

В середине 1980-х годов погибли в огне высокий шатровый храм XVII века в Нижмозере на Онежском полуострове и известный архитектурный ансамбль в Макарьево на Усть-Коже.

С грустью приходится констатировать, что почти все поджоги храмов остались безнаказанными, почти никто не понёс наказания, хотя в опустевших северных деревнях нетрудно было найти злоумышленников.

Выше упомянуты далеко не все погибшие в последние десятилетия храмы. Но одновременно рушились от старости и разбирались на дрова жилые и хозяйственные постройки, представлявшие несомненный архитектурный интерес. Нет больше дома Старицына в Пурнеме на Онежском полуострове, дома, на карнизах которого была роспись и дата строительства — 1876 год, и многих других сооружений по берегам Белого моря, на берегах Пинеги, Мезени, Северной Двины.

Все перечисленные примеры говорят о нужности музеев под открытым небом, где удаётся сохранить многие постройки, о желательности создания новых подобных музеев в других местах и на основе наиболее интересных деревень.

Не хотелось бы, чтобы всё сказанное было понято как призыв к полному переносу памятников в музеи. Конечно, лучшее место для памятника то, где он был задуман и поставлен, если природа и окружающая застройка не искажены до неузнаваемости. Вопрос о переносе памятника нужно решать в каждом отдельном случае, взвесив все «за» и «против».

И. Б. Пуришев.